

2015-05-28 Таловские танки



Говоря о вкладе таловцев в Великую Победу, чаще всего упоминают о трех фактах: о числе наших земляков, ушедших на фронт и погибших в горниле войны, о десяти Героях Советского Союза, прославивших своими ратными подвигами нашу малую родину, а также о том, что именно таловцы стали инициаторами сбора средств на строительство танковой колонны «Воронежский колхозник». И если конкретики в первых двух случаях достаточно, то информация о третьем факте весьма скудна. Ее «разбавляет» только дата зарождения почина – ноябрь 1942-го – и количество собранных таловцами средств: 300 тысяч рублей. Причем, черпаются эти сведения из одного источника – номера газеты «Правда» от 01.01.01 года. Вот то немного, что знают, наверное, все ныне живущие. Хотя потомкам тех, чьи рубли и копейки, заработанные тяжелейших

крестьянским трудом военных лет, складываясь, превращались в самые эффективные танки Второй мировой войны, наверное, следует знать судьбу самих боевых машин, а также тех, кто вел их в бой.

Приснопамятный «колхозник»

Сам термин «танковая колонна» возник с легкой руки заводских отправителей эшелонов. Он изначально означал эшелон в 40-45 танков типа Т-34 и 20-22 танка типа КВ. На большее мощности локомотивов тогда не хватало. Кроме того, не выдерживало железнодорожное полотно – оно расползлось под тяжестью составов. Термин укоренился и стал использоваться даже в материалах Ставки ВГК.

Танковая колонна не являлась боевой или тактической единицей. Их различают по надписям о принадлежности к «именным» сериям, купленным на средства, собранные разными группами населения. Наиболее известной из них, пожалуй, является колонна «Дмитрий Донской», построенная по инициативе РПЦ. «Воронежский колхозник» может конкурировать с ней по степени цитируемости в различного рода краеведческой литературе. Однако ни та, ни другая не были первыми в истории той войны.

Первые «именные» танки появились в Красной Армии еще в декабре 1941 года. Зачинателями этого движения можно считать учащихся 102-й школы города Горького, нынешнего Нижнего Новгорода. Они в день начала учебного года, 1 сентября 1941-го, обратились ко всем пионерам и школьникам Горьковской области с призывом собрать металлолом и вырученные деньги направить в фонд обороны для постройки танка «Горьковский пионер». В начале октября месяца ими было собрано металлолома на сумму около трехсот тысяч рублей. Построенный танк был передан в действующую армию и в середине декабря принял участие в битве под Москвой. В том же сентябре 1941 года в фонд обороны, также для постройки танка, передал все свои личные сбережения маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников. Сбор средств на создание танковых колонн начался в Вологде, в Архангельске, в других регионах страны и даже в Монголии. Всего за время войны из личных средств народа было собрано где-то около трех – трех с половиной миллиардов рублей.

Подобные почину уже к середине 1942-го стали настолько массовыми, среди областей, краев и республик не иметь на фронте «свою» колонну считалось моветоном. Самых разных бронированных «колхозников», «рабочих», «комсомольцев», «осовиахимовцев» и даже «пчеловодов» на дорогах войны можно было встретить немало. И всё же, далеко не всем из них повезло так, как «Воронежскому колхознику», ставшему своего рода брендом нашего региона в военное время.

В Таловском районе за годы войны было собрано более почти 4 миллиона 900 тысяч рублей на строительство танковых и авиационных колонн. Но сегодня мало кто вспомнит самолеты эскадрильи «Таловский колхозник», громившие врага в небе Украины, Венгрии и Чехословакии, или других летающих колонн – «Воронежский комсомолец» и «Юго-восточник», которые появилась тоже во многом благодаря нашим землякам. Так почему же память о «ВК» оказалась такой крепкой?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно понять то, кому предназначались танки колонны. А для этого придется вернуться в прошлое на 70 лет, в ноябрь 1942 года.

Земляки

Лето и осень 42-го оказались для воронежцев самыми страшным периодом за все четыре военных года. К середине июля враг «ополовинил» область, захватив полностью или частично треть ее районов. Но и оставшая часть, оказавшись прифронтовой территорией, еще полтора месяца не могла чувствовать себя в безопасности.

И только в сентябре 1942-го, когда фронт и на Среднем Дону, и в большой излучине этой реки стабилизировался, стало ясно, что Дон в его среднем течении останется тем рубежом, за который фашистские полчища уже не смогут шагнуть.

В деревне, где после непрекращающейся мобилизации остались бабы, старики да пацанва, работали, не считаясь со временем и здоровьем, живых денег за свой тяжелейший труд в глаза не видели, работая за трудодни – палочки в амбарной книге учетчика. И вот они, которые еще два месяца назад не знали, останутся ли в родном доме или их ждет участь тысяч беженцев, прошедших за последний год через их села и поселки, да и вообще останутся ли живыми, решают собирать деньги на строительство

танков для Красной Армии. Дети голодают, на пятерых одна пара ботинок, выменянных еще летом у тех же беженцев, избу протопить нечем, а они сносят в сельсовет последние гроши, которые лежали «на черный день» на дне пустого сундука между свидетельствами о рождении детей и письмами или похоронками с фронта... Потому, что чернее дня уже быть не может. Потому, что соседка, которой живет еще тяжелее, сдала всё, что выручила вчера от продажи табака, саженого для убитого в мае под Харьковом мужа. Потому, что на эти рубли сегодня можно купить победу и мир. И еще тысячи «потому», в каждом доме свои.

Конечно, было бы идеализмом утверждать, что каждый рубль был сдан именно так, без разрядки из района и соревнования между колхозами. Но последнее было скорее исключением из правил. Патриотический подъем был действительно велик как никогда до этого и, пожалуй, после.

Был и еще один немаловажный фактор: дарители уже знали, что в бой на этих машинах пойдут земляки, воронежцы из 1-го гвардейского мехкорпуса. Первогвардейцы! Легенда 41-го!

1-я гвардейская стрелковая дивизия (затем 1-й гвардейский мехкорпус) генерала Руссиянова тогда во многом были уникальной. Ею была одержана первая крупная победа в начале сентября 41-го под Ельней. Ей первой во всей Красной Армии было вручено гвардейское знамя, и дивизия получила наименование гвардейской. Если верить послевоенным публикациям в советской прессе, именно бойцы этой дивизии первыми уже на третий день войны применили против танков противника знаменитый «коктейль Молотова» – бутылки с горючей смесью. А еще во всей РККА не было другой такой дивизии, в которой вместо трех полков было четыре.

А случилось это в середине сентября 1941-го в Воронеже, куда соединение прибыло для пополнения и отдыха после тяжелейших Ельненских боев. Тогда в его состав влился Воронежский добровольческий полк, который в полном составе был включен в ее ряды и стал называться 4-м Воронежским стрелковым полком. Четвертым потому, что в дивизии уже было три полка. Воронежский оказался сверхштатным. Этого удалось добиться первому секретарю Воронежского обкома Владимиру Дмитриевичу Никитину. Впоследствии по этой причине часто возникали недоразумения при переходе дивизии из одной армии в другую. Бессменному командиру дивизии, а затем и корпуса, Ивану Никитичу Руссиянову не раз приходилось разъяснять, почему его соединение имеет одним стрелковым полком больше, чем все остальные дивизии Красной Армии.

С того момента и началась история шефства воронежцев над первогвардейцами. Начиная с января 42-го поездки к ним стали регулярными. Гости привозили всё, что мог дать прифронтной, а после и фронтной регион: теплые носки, рукавицы, традиционные вышитые заботливыми девичьими руками кисеты, табак, мед... В такие дни «именинником» был 4-й Воронежский полк. Как-никак подарки прислали их земляки...

Но помогала воронежская земля россияновцам не только провизией и теплыми вещами. В июне 42-го из состава народного ополчения области для пополнения в 4-й Воронежский полк было направлено полторы тысячи бойцов. Были среди них и уроженцы Таловского и Чигольского районов.

В конце октября 1942 года дивизия была выведена на переформирование и оказалась в Приволжском военном округе. Здесь, в Поволжье 1-я гвардейская стрелковая ордена Ленина дивизия стала разворачиваться в механизированный корпус, сохранивший номер и наименование дивизии – 1-й гвардейский ордена Ленина механизированный корпус. 4-й Воронежский и 7-й (бывший 331-й) полки послужили основой для формирования 2-й гвардейской механизированной бригады.

Теперь бывшая стрелковая дивизия стала мощным механизированным соединением, в задачи которого входил прорыв в полосах общевойсковых армий, наступавших на направлениях главных ударов фронтов. Это был «боевой кулак» Ставки ВГК.

10 ноября 1942 года корпус был полностью сформирован, укомплектован и готов к выполнению поставленных боевых задач. Такой задачей стало участие в Сталинградской битве. Но перед тем как эшелоны с личным составом и техникой отправились к волжской твердыне, в гости к первогвардейцам приехали шефы. Делегация оказалась небольшой – всего семь человек. Ровно столько уместилось на трех «полуторках», выделенных Воронежским обкомом для доставки воюющим землякам традиционных гостинцев. Отчет об этой встрече, опубликованный в областной прессе в канун 25-й годовщины Великого Октября, и стал отправной точкой в истории «Воронежского колхозника».

К сожалению, мы не нашли ответ на вопрос: кто именно стал инициатором почина.

Возможно, идея сбора средств родилась одновременно в нескольких головах, потому что в протоколах праздничных собраний и митингов, посвященных четвертьвековому юбилею Октябрьской революции, сразу четырех колхозов Таловского района говорится о намерении поддержать Красную Армию рублем. Впрочем, правдоподобнее выглядит версия, в соответствии с которой инициатором стал сам райком партии, а протоколы собраний – уже второе действие этой истории. Кстати, в протоколе колхоза имени Буденного Хорольского сельского Совета уже фигурирует название «Воронежский колхозник».

Как бы то ни было, призыв колхозников поддержали райком, а затем и обком ВКП(б), информация о сборе средств и его инициаторах появилась в печати. И вслед за ней «Коммуна» и районки запестрели информацией из Панино, Щучьего, Борисоглебска, Верхнего Карачана, Поворино, Новохопёрска, Терновки, Эртиля, Воронцовки, Радченского, в которых жирным шрифтом выделялись суммы: 120 тысяч, 200 тысяч, миллион...

Впрочем, далеко не все тогда собирали средства именно на «Воронежский колхозник». Даже герой этой большой истории пасечник из села Манино, что под Калачом, семидесятипятилетний Эраст Крамарев, сделавший наряду со своей односельчанкой Марфой Белоглядовой самый большой личный вклад – 100 тысяч рублей, откликнулся на призыв не таловцев, а саратовского колхозника Феропонта Головатого, сдавшего 100 тысяч на личный танк, фотографию и рассказ о поступке которого тиражировали все центральные газеты.

Но в обкоме все эти цифры складывались в одну, казавшуюся грандиозной для разрезанной фронтом на две части области – сперва 13, затем 37, а к весне 43-го – 71 миллион рублей. И инициаторами здесь считали таловцев.

Те же, в свою очередь, старались соответствовать этому статусу. В январе «Правда» рассказала на всю страну о том, что они передали в Государственный банк на танковую колонну 300 тыс. руб. Кроме того, они сдали из своих личных запасов много пудов хлеба, картофеля в продовольственный фонд Красной Армии. Однако, по данным газеты «Красная Звезда», вышедшей в свет еще 11 декабря 1942 года, только за три первых дня в районе было собрано 420 тысяч рублей.

Впрочем, практически в каждом номере центрального печатного органа ВКП(Б)

назывались новые адреса патриотических починов, и таловские результаты меркли на из фоне. Так, в предыдущем номере «Правды» от 9 января опубликованы сообщения о том, что колхозники Грузинской ССР кроме сданных ранее 72,5 миллиона рублей на строительство танковой колонны «Колхозник Грузии» дополнительно внесли 37,5 миллионов, а трудящиеся Омской области собрали 53 миллиона на строительство танковой колонны «Омский колхозник» и передали N пудов зерна в фонд Красной Армии.

Но даже то, что собрали за три первых дня, уже можно было считать серьезной суммой.

Не в пример сегодняшней России, боевая техника в ту пору дешевила. Согласно калькуляции харьковского завода № 000, составленной в мае 1941 года, танк «Т-34» стоил 249 тысяч 256 рублей 96 копеек. В июле 1942-го его стоимость доходила до 209 тысяч. Так что на первый таловский взнос уже тогда можно было построить два средних танка. Но в тот момент, когда на 183-й завод, который еще год назад был перебазирован в Нижний Тагил, поступил заказ из Воронежской области, цены упали еще ниже, и к январю 43-го Уральский танковый завод имени товарища Сталина, откуда и пришла наша колонна, отпускал свои машины уже по цене 166 300 рублей. Так что даже 300 таловских тысяч хватало на две полноценные «тридцатьчетверки».

Возможно, эту нехитрую калькуляцию провели и в обкоме ВКП(б). Во всяком случае, два первых танка колонны неофициально считались таловскими, а появившиеся в ней именные машины двух калачеевцев значились под условными номерами 3 и 4.

Хлопцы и «стальные кони»

До торжественной передачи машин землякам дело дошло только в апреле. 22 апреля 1943 года в селе Нижняя Дуванка нынешней Луганской области восемь новеньких танков «Т-34» были выстроены на лугу за селом. С башен еще не были сняты пулеметы ДТ, которые при длительных маршах прикрывали колонну от атак с воздуха, краска, которой с великим старанием были выведены слова «Воронежский колхозник», еще не высохла.

Но на эти детали внимания никто не обращал. Напротив боевых машин выстроился

личный состав 19-го гвардейского танкового полка, справа – командование корпуса, гости и деревенская ребятня.

Среди членов делегации, которую по традиции возглавлял секретарь Воронежского горкома, были инициаторы сбора средств – калачеевские «танковладельцы» Крамарев и Белоглядова. Считалось, что каждый из них на свои деньги приобрел по танку. На башнях двух машин были надписи: «Крамарев Ераст Федорович» и «Белоглядова Марфа Ивановна».

Боевая машина, приобретенная на средства Белоглядовой, была вручена экипажу командира 2-й танковой роты бригады старшему лейтенанту М.В. Власенко. Второй именной танк, «Крамарев Ераст Федорович», с башенным номером «С-172», а вместе с ним и два «безымянных» – «С-173» и «С-174», передали экипажам взвода гвардии лейтенанта Лысенко.



Уроженец Полтавской губернии, кадровый офицер, коммунист, воевавший на фронтах

Великой Отечественной с первого дня войны, был в полку личностью известной, даже знаменитой. Да что в полку, во всей 2-й мехбригаде не было человека, который не слышал о 28-летнем Иване Лысенко. Слава пришла к нему как раз 22 апреля.

Вместе с делегацией воронежцев для торжественной передачи техники в полк приехало командование корпуса: командир 1-го гвардейского мехкорпуса генерал-майор Иван Руссиянов и его заместитель генерал-майор Сергей Денисов. Последний еще не полностью оправился от тяжелого ранения, полученного им в самом начале 1943-го.

В ту пору фашистское командование делало все для того, чтобы деблокировать окруженные в районе Сталинграда войска Паулюса. Мехкорпус, действовавший в составе 3-й гвардейской армии, имел наступательную задачу: прорвать оборонительную полосу немецко-фашистских войск на реке Чир.

4 января Сергей Иванович Денисов лично руководил действиями корпуса на поле боя. Его командирский «ИС» вырвался из строя машин на несколько сотен метров вперед и был подбит. Генерал, выбравшийся из загоревшегося танка, лежал метрах в трех от нее. Гибель танка замкома видели несколько экипажей, но в пылу боя, когда враг, имея превосходство, как это принято говорить, в живой силе и технике, давит прямо на тебя, отважиться на рывок вперед может не каждый. Тогда мужества сделать этот шаг хватило только у Лысенко. Проскочив между двумя танками противника, он на полном газу «доскакал» до генерал-майора и, пока стрелок и водитель отстреливались, вместе со стрелком перетасили генерал-майора, получившего тяжелое ранение, в свою машину. Доставив раненого на КП полка, Лысенко с экипажем вернулся в бой.

Со временем этот эпизод в полку забылся, да и сам Иван Лысенко все реже вспоминал о том январском бое. Что до генерала, то оправился от ранения он только в марте. Естественно, фамилии своего спасителя не знал, но, как выяснилось, запомнил лицо.

И вот 22 апреля в строю 2-й роты генерал узнал его. В тот же день командиром мехбригады полковником Ходяковым был подписан наградной лист, в котором лейтенант Лысенко представлялся к ордену Красной Звезды за подвиг, совершенный три с половиной месяца назад...

По случаю приезда гостей состоялся митинг. Гвардейцы благодарили земляков за подарки, давали клятву беспощадно бить ненавистного врага. Как вспоминал позднее комкор Руссиянов, растроганные теплым приемом бойцов гости все больше молчали, и только Ераст Федорович был «в ударе». Семидесятипятилетний колхозник еще по пути в часть сильно переживал: кому же достанется машина, приобретенная на его кровные, «медовые» рубли. Старый пасечник продал всё, что запасли его пчелы в прошлом году, даже к чаю себе меда не оставил. А потому считал необходимым лично проинспектировать и саму машину, и ее будущий экипаж.

Он с пристрастием осмотрел всё до мелочей в танке, потрогал, крепко ли привинчено-приварено, расспросил каждого члена экипажа «своего» танка о боевых делах, просил танкистов беречь машину, быстрее гнать на ней фашистов с советской земли. То и дело показывал телеграфный бланк, на котором в самом низу стояла подпись «И.Сталин», а выше – фраза: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии зпт Ераст Федорович зпт за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии». Особенно ему понравилось то, что у командира танка на гимнастерке висел орден. Он не запомнил имени танкиста, но вот награда врезалась в его память. Позже, в 44-м, когда он сдал еще 100 тысяч рублей, теперь уже на строительство именного самолета, став знаменитостью в Калачеевском районе, и к нему стали приезжать журналисты, он рассказывал корреспонденту «Коммуны» М.Василенко об этой награде «высокого такого украинца», хотя и был-то Лысенко выше дарителя всего на полголовы.

После вручения экипажам боевых машин состоялся парад. Вместе с командованием корпуса его принимали дорогие гости из Воронежской области. Все, кроме Крамарева. Ераст Федорович при помощи экипажа забрался в танк и по-молодецки выглядывал из люка, проезжая мимо импровизированной трибуны. Естественно, эта машина шла во главе колонны...

Спустя полтора месяца танки воронежцев шли примерно в том же порядке, но уже на передовой. Боевое крещение они приняли на Харьковщине. Для почти половины из них оно же стало последним боем.

Минус четыре

Утром 18 июля части 1-го гвардейского мехкорпуса вошли в прорыв, созданной накануне 8-й гвардейской армией юго-восточнее города Изюм. Но враг их уже ждал.

Гвардейцев встретили закопанные в землю и хорошо замаскированные в кустарниках танки противника. Гитлеровцы приготовили и еще один «сюрприз» – противотанковые торпеды, которые запускались из окопов и управлялись по проводам. Через час атака красноармейцев захлебнулась, а к полудню уже трудно было понять: кто именно из противников владеет инициативой. Было ясно, что ночью гитлеровцы подтянули резервы и любой ценой стремились закрыть путь нашим войскам к станции Барвенково, потеря которой для врага означало в сложившейся обстановке катастрофу на данном участке фронта.

19-й танковый, поддерживаемый пехотой 1-го мотострелкового батальона бригады майора Е.Я. Лишенко, продвигался к небольшому селу Пасека. Не доходя до него двух километров, на подступах к небольшой рощице путь полку преградили два противотанковых орудия. Их расположение было выбрано настолько удачно, что эти пушки могли сдерживать два десятка танков без ощутимых потерь. Командир полка майор Свиридов на своей машине предпринял было обходной маневр, но огнем был загнан в овраг. Еще два танка получили повреждения. Гвардейцы оказались зажатыми между рощей и Северным Донцом, став легкой мишенью для вражеских штурмовиков. Спасла полк «Марфа Ивановна», выскочив прямо перед вражескими артиллеристами. То ли фашисты не ожидали удара в лоб, то ли заминка у них произошла по какой-то другой причине, но этих нескольких десятков секунд Власенко и двум другим «колхозникам» хватило, чтобы «пролететь» опасную зону. Дальнейшее, как говорится, было делом техники. Танки проутюжили и капониры с орудиями, и соседние окопы, раздавив пушки и около 30 фашистов.

С задачей полк справился, и Пасеку очистил от врага, но оказался при этом окруженным с трех сторон. Это стало ясно уже к вечеру. Пехота и танкисты стали занимать круговую оборону, удерживать которую им предстояло трое суток, отражая яростные контратаки вражеских танков, мотопехоты, авиации.

Несмотря на ожесточенность боев первого дня, безвозвратных потерь среди «колхозников» не было.

Утром 19 июля горловина «мешка», в котором оказался 19-й танковый, начала сужаться. Окутанное густым дымом от десятков пожаров украинское село справа обходили фашистские танки, слева – немецкие автоматчики, скрываясь в той самой рощице, которую накануне полк отбил благодаря отваге гвардии старшего лейтенанта Власенко.

Появились и начали бросать бомбы «юнкеры», «включилась» вражеская артиллерия.

В этом аду танкисты стали прорываться на северо-восток по оставшемуся узкому проходу, еще удерживаемому пехотой. Выходили с боем, лавируя, расширяя проход и стараясь нанести максимальный урон противнику.

К концу 19 июля боевой счет «воронежских» танков составлял уже 9 танков противника, три его самоходных орудия, 11 противотанковых пушек, семь минометных батарей и до двух батальонов живой силы противника. В тот день отличился экипаж лейтенанта Брагина, уничтоживший четыре вражеских танка. Но цена, которую заплатил полк за эти результаты, была слишком велика.

Первой жертвой среди «колхозников» стал экипаж командира взвода гвардии старшего лейтенанта Алексея Ивановича Никитченко. Его «стальной конь» на предельной скорости ворвался на позиции противника. «Тридцатьчетверка» раздавила гусеницами три противотанковых орудия, уничтожила несколько огневых точек, мешавших продвижению пехоты, нацелилась на минометную батарею. И в эту секунду сбоку почти в упор ударило по танку фашистская пушка. Танк остановился, задымил. Танкисты долго отстреливались от нападавших на них немцев, вели огонь из пушки и пулеметов. Наконец, когда боевая машина превратилась в жарко поlying костер, последними словами гвардии лейтенанта, переданными по радиосвязи, были: «Командир, все тяжело ранены, выйти не можем, будем драться до последнего снаряда».

Всё это разворачивалось на глазах 1-го мотострелкового батальона бригады, состоявшего большей частью из воронежцев. Пехота залегла под губительным огнем противника. Стиснув зубы, многие бойцы смотрели на беспомощно замершую среди немецких траншей «тридцатьчетверку». «Воронежский колхозник» горел, над ним поднимались клубы густого черного дыма, пулемет умолк, но орудие продолжало стрелять. Как вспоминал потом генерал Руссиянов со слов командира батальона гвардии майора Лишенко, видя это, кто-то крикнул: «За воронежских!» – и тогда батальон, как по команде, поднялся в атаку...

Экипаж похоронили спустя двое суток, когда противник был наконец-то отброшен от Пасеки, в километре к северо-востоку от села.

В одной могиле с Никитченко были погребены останки половины экипажа «Марфы Белоглядовой» – командир башни и стрелок-радист.

Накануне, 18 июля, танк уж горел. Фашистам удалось поджечь его в тот момент, когда «Марфа» «ровняла» позиции их артиллерии. Но тогда механику-водителю старшине Сергею Тюрину умелым маневром удалось сорвать пламя и вырваться из-под огня противника. 19-го ситуация повторилась. Снова попадание, снова пламя над машиной, но теперь танк выйти из боя уже не смог. Сам гвардии старший лейтенант Михаил Власенко был тяжело ранен.

Спустя два дня командир 19-го танкового Свиридов представит его к ордену Отечественной войны 1-й степени. Он получит эту награду, правда, полностью оправиться и вернуться в свой полк уже не сможет.

Подписал Свиридов и еще один наградной лист. В нем значилась фамилия гвардии старшего лейтенанта Лысенко. Вот только Ивана Павловича к тому моменту уже не было в живых.

Тот злополучный бой 19 июля для командира экипажа «Крамарева» оказался тоже последним. Причем он оказался еще короче, чем у «Марфы». Выходя из рожи танк «потерял» гусеницу. Машину развернуло бортом к порядкам наступающего врага. Лучшей мишени и представить себе трудно. И этим не преминули воспользоваться два самоходных орудия «Фердинанд» (или как его еще называли «Элефант» (слон)), по очереди всаживая в землю вокруг обездвиженной машины снаряды. Пока механик и командир башни под огнем пытались соединить траки, Лысенко отстреливался из пушки. Причем, довольно успешно. Один из «слонов» загорелся: снаряд прорвал ему брюхо. Но почти сразу вторая самоходка пробила броню башни «Т-34». Иван Павлович был тяжело ранен. Танкисты вынесли своего командира. Он умер в тот же день в медсанбате и похоронен у села Красный Оскол.

А 20 июля погиб четвертый «воронежский» танк. Его экипаж во главе с гвардии лейтенантом Василием Исаевичем Елепиным похоронен всего в нескольких сотнях метров от могилы личного состава отделения Никитченко. Именно на столько смогла продвинуться мехбригада в тот день...

Но, как ни странно, это была и последняя потеря колонны. Последующие тяжелейшие бои на территории левобережной Украины не вычеркнули больше ни одной машины из рядов 19-го полка. И хотя случалось всякое, пять оставшихся «колхозников» с боями дошли до Днепра и были сданы перед тем, как 15 ноября 19-й гвардейский танковый полк был отправлен на переформирование.

Почему пять? Да потому, что «Крамарева» вернули в строй техники. Башню залатали, уже в середине августа его вел в бой младший лейтенант Владимир Шульга, бывший командир башни этой же боевой машины. В сражении за Пасеку он тоже был ранен, и тоже представлен к награде – ордену Отечественной войны 2-й степени. И командир полка, и командир 2-й мехбригады подписали наградной лист. Но после возвращения в часть танкист получил «Красную Звезду», а через несколько недель едва не стал на воронежском танке Героем Советского Союза.

Несостоявшийся Герой

В конце октября 1943 года в областной газете «Коммуна» было опубликовано письмо генерал-лейтенанта Руссиянова, датированное началом месяца. Послание было теплым и трогательным. Говорилось в нем и о дружбе первогвардейцев с трудящимися Воронежской области, зародившейся в тревожные сентябрьские дни 41-го, и о том, что в тяжелые дни восстановления разрушенного немецкими варварами Воронежа и многих других городов и сел области ее жители смогли дать государству 71 миллион рублей на строительство «Воронежского колхозника», и, естественно, о боевом пути некоторых из этих боевых машин. Так вот, есть в этом письме такие строки: «На танке, построенном на личные сбережения колхозника Эраста Федоровича Крамарева, отважный танкист Лысенко в первые два дня боев уничтожил свыше 150 гитлеровцев и подбил два немецких танка. На этой же машине гвардии старшина Шульга в одном из последних боев на подступах к городу Запорожье уничтожил 3 тяжелых немецких танка «тигр». Сейчас на боевом счету машины колхозника Крамарева свыше 500 немецких гитлеровцев, 6 танков, 30 автомашин, 4 артиллерийских батареи противника. Владимир Шульга представлен к званию Героя Советского Союза».

И действительно, 24 сентября такая бумага пошла по инстанциям. На сей раз даже генерал Руссиянов, весьма щепетильно относившийся к соотношению награды и конкретного проявления отваги, поставил свою подпись под фразой «достоин награждения званием Героя Советского Союза». Действительно, храбрость и слаженность действий экипажа «Крамарева» в боях за освобождение Запорожья были достойны этого.

Во второй половине сентября на подступах к городу развернулись тяжелые бои. Волны атак шли то с одной, то с другой стороны. После полудня 21-го числа немцы предприняли очередную попытку вытеснить нашу пехоту с занятых накануне позиций. 11 «тигров» и 4 танка «Т-IV» двинулись к высоте 105,0, где в засаде находились среди прочих и «Крамарев». Подпустив танки врага на верный выстрел, Шульга, не дожидаясь приказа, вывел свою машину из укрытия и, за каких-нибудь пару минут, тремя выстрелами поджег два и подбил еще один «тигр». Остальные в панике начали отходить.

Шульга стал героем дня. Командир мехбригады гвардии подполковник Старков лично прибыл в полк поздравить с успехом экипаж «Крамарева», приказал командиру полка готовить документы «на Героя», а Шульге предложил нашивать офицерские погоны с одним просветом.

Погоны младшего лейтенанта были нашиты уже на новую гимнастерку. Но золотой звезды Героя на ней так и не появилось. Вместо нее в ноябре командир 19-го танкового полка гвардии майор Свиридов прикрепил на грудь Владимира Прокофьевича орден Красного Знамени.

Кстати, в письме Руссиянова называется еще одна фамилия. «На танке с надписью «Воронежский колхозник» смело дрался герой-танкист Остяков. Действуя в тылу врага, он в течение одного дня истребил 110 гитлеровцев, уничтожил эшелон противника с боеприпасами, разбил две артиллерийских батареи противника и 22 автомашины». К сожалению, мы не смогли найти никаких сведений об этом человеке. Контекст, в котором он упоминается, позволяет думать о том, что герой-танкист погиб, но в списках боевых потерь полка он не упоминается. Изложение нанесенного врагу ущерба, как и в случае с Шульгой, явно взято из наградного листа, но и в наградных документах корпуса за тот период Остякова нет. Так что эту историю мы, увы, рассказать не можем.

Как, впрочем, и то, что стало с самими машинами после того, как полк убыл на переформирование. После капитального ремонта машины, как правило, перекрашивались, и в следующий свой бой шли уже с башенными номерами, принятыми в новой части. Скорее всего, так случилось и с пятью уцелевшими «колхозниками». И можно было бы твердо сказать, что история «таловской» колонны закончилась на правом берегу Днепра, если бы не одно «но».

Туманные обстоятельства

Когда мы уже убедили себя в том, что боевая биография таловских танков уложилась в неполные пять месяцев, и в ней все ясно и понятно, поступил ответ на посланный почти год назад запрос в подмосковные Химки. Оказывается, в семейном архиве дочери Михаила Васильевича Власенко до сих пор хранится письмо Марфы Белоглядовой, в котором она рассказывает командиру своего именного танка, выбывшего после июльского ранения из состава полка, о том, что танки с надписью «Воронежский колхозник» дошли до Будапешта и Вены. Откуда она черпала эту информацию? И были ли это те самые «Т-34-76», которые воронежцы передали первогвардейцам в апреле 1943-го? Мы не смогли найти ответы на эти вопросы. Быть может, Марфа Ивановна просто пересказала боевой путь 1-го гвардейского мехкорпуса, в составе которого в 1943 году шли в бой «колхозники»? А может, в австрийскую столицу входили уже другие «колхозники»? Как это часто бывало, вслед за первой танковой колонной на фронт шли вторая, третья с тем же именем, но уже более совершенной техникой. Ведь собранных трудящимися нашей области средств на «ВК» хватило бы более чем на 300 боевых машин.

Мы уже готовы были склониться к последней версии, посетовав при этом, что никакой конкретики о боевом пути от Днепра до Вены танков с надписью «Воронежский колхозник» своим читателям сообщить не можем.

Дело в том, что на многочисленных интернет-форумах, особенно тех, где собираются люди, увлеченные изготовлением моделей «бронированных коней», тот факт, что в истории было как минимум две колонны «ВК», даже не обсуждается. Спорят лишь о том, сколько их было: две или три? Поводом для такой позиции являются фотографии, на которых изображены «тридцатьчетверки» разных модификаций с названием колонны. Танки действительно разные, хотя, судя по всем «родовым признакам», сделаны на одном и том же нижнетагильском заводе № 000. А раз так, стоит ли ломать голову, как это случилось. Изготовили одну партию – передали первогвардейцам, сделали спустя какое-то время вторую – отправили по тому же адресу. И всё же...

Вместе с письмом пришел и скан фотографии, на котором изображен гвардии лейтенант Власенко. Несмотря на низкое качество снимка, не было сомнений в том, что Михаил Васильевич стоит у танка, который довольно сильно отличается от уже знакомых по снимкам из областного архива. Хотя подпись к фото утверждала, что машина справа от танкиста – именно «Марфа».

Зато боевая машина с химкинского снимка очень походила на другие танки, на которых тоже значилось название нашей колонны. Отыскали мы их на бескрайних просторах Интернета. Здесь «колхозники» имеют другие номера.

Мы еще раз посмотрели на весь имеющийся фотоматериал, и тут родилась безумная версия: снимки из областного архива датируются не 43-м, а 42-м годом. Судите сами.

Во-первых, одежда бойцов. Все, как один, первогвардейцы одеты в гимнастерки образца 1935 года. И это при том, что 6 января была введена новая форма. Можно, конечно, допустить, что гимнастерки нового кроя к апрелю до первогвардейцев еще не дошли, хотя почему-то и генерал Руссиянов, и командир 2-й мехбригады полковник Худяков, и другие офицеры на газетном снимке одеты именно в форму нового образца, причем, не только кители, но и гимнастерки. Но танки!..

Боевые машины с самого знаменитого снимка не могли выпускаться в начале 1943 года, и даже в конце 1942-г. Со второй половины 42-го нижнетагильский завод выпускал свои танки с шестигранной башней, а не эти «зализанные», которые кончились на заводе еще весной. Касается это и катков, и бортов, наблюдательных приборов на башне. Выходит, машины, которые демонстрировали воронежцам, сошли с конвейера тагильского завода месяцев восемь, а то и десять назад.

И только награды, хорошо видные на груди командира «Крамарева» гвардии лейтенанта Лысенко и его командира башни Шульги и полученные танкистами в самом начале 43-го, поставили всё на свои места. Все снимки сделаны в 1943 году, вот только не на всех запечатлены изготовленные на деньги воронежских крестьян...

1-й Гвардейский механизированный корпус в ту пору использовал трехзначную систему тактических номеров. 1-я цифра соответствовала номеру бригады, а 2-я и 3-я номеру танка (от 1 до 65) в механизированной бригаде. Так, номер 103 принадлежал 1-й Гвардейской механизированной бригаде. Соответственно танки с номерами от 169 до 176, которые стояли на башнях «колхозников», должны были принадлежать 18-му гвардейскому танковому полку из 1-й механизированной бригады, а не 19-му из 2-й гвардейской.

К тому же, если внимательно посмотреть на групповой портрет Ераста Крамарева с экипажем одноименного танка, то можно заметить, что башенный номер нанесен другой краской, да и выглядит значительно менее свежим, чем название бронированной машины. Даже белый кант, который, по идее, должен был наноситься в один день с «именем», более блеклый, а местами и вовсе истерт.

Собрав воедино все эти детали, можно сделать странный вывод: воронежским дарителям продемонстрировали старые танки да еще из другого войскового соединения, которые предварительно «поименовали» на скорую руку. Зачем?

Точно ответить на этот вопрос могло, наверное, лишь командование мехкорпуса. Мы же можем только предполагать. Танки, добираясь до Нижней Дуванки, могли просто опоздать. А вы помните дату, когда происходила передача танков? 22 апреля – день рождения В. И. Ленина, вождя мирового пролетариата. Мероприятия, приуроченные к таким датам, вряд ли можно было перенести. К тому же дарители ехали не из соседней деревни, и попросить обождать их несколько дней, а может и недель тоже нельзя. И, возможно, не нашлось лучшего решения, чем выдать за новенькие «воронежские» машины недавно отремонтированную технику, на башне одного из которых даже видна покрашенная стальная заплатка, закрывающая пробоину, к тому же находившуюся какое-то время в резерве у другой бригады того же корпуса. Старые башенные номера даже закрашивать не стали: зачем, если через день-другой придется возвращать.

Словом, похоже, что 70 лет во всех краеведческих источниках на иллюстрациях красовались совсем не таловские танки.

А настоящие «воронежские колхозники» – на фотографии рядом с Власенко и снимке неизвестного автора, найденные в Интернете. И башенные номера ее машин начинались с 292-го и заканчивались 299-м. И надпись с названием состояла из двух слов, расположенных не под углом друг к другу, а параллельно.

Но всё это – детали, которые не меняют главного. Как бы то ни было, танки, купленные на средства наших земляков, и люди, ведшие их в бой, вписали немало ярких строк в историю той войны. А значит, достойны того, чтобы через 70, 100 или 170 лет потомки вспоминали их с благодарностью, с преклонением перед величием народного подвига во имя Отечества.

В. Вдовенко